

Исследованиям различных аспектов калмыцкого языка были посвящены экспедиции Института лингвистических исследований РАН и Санкт-Петербургского университета, проходившие в течение трех лет с 2006 по 2008 год в Кеченеровском районе Республики Калмыкия, известном как место, в котором в наибольшей степени сохраняется дербетский диалект калмыцкого языка. По результатам этих экспедиций и был написан рассматриваемый сборник.

Составители сборника не задавались целью дать полное и систематическое описание калмыцкого языка, а стремились к рассмотрению отдельных проблем грамматической системы калмыцкого языка с типологической точки зрения. Такой подход, безусловно, оправдан, поскольку при том, что калмыцкий язык имеет достаточно длительную историю изучения, его грамматика почти всегда рассматривалась или полностью изолированно, или в сопоставлении с иными монгольскими языками (чаще всего только с бурятским и халха-монгольским), или в сопоставлении с тюркскими, русским или английским языками, но почти никогда не учитывались достижения общей типологии. При этом все же надо учитывать, что, хотя строго типологический подход даст определенную свежесть взгляда, следуя ему, нецелесообразно игнорировать и те решения, присмы и гипотезы, которые возникали по поводу тех или иных проблем калмыцкого языкознания в рамках общей монголистики и алтаистики.

Сборник включает в себя три основные части: собрание глоссированных текстов (к сожалению, в книгу вошли не все тексты из числа тех, что были собраны во время экспедиций), очерк калмыцкой грамматики, написанный

на основе корпуса текстов (автор С.С. Сай), и ряд статей по различным проблемам калмыцкого языка: социолингвистической ситуации (В.В. Баранова), дифференцированному маркированию объекта (М.Б. Коношенко), конструкциям с периферийным обладаемым (М.А. Холодилова), акциональным классам глаголов (М.А. Овсянникова), финитным формам прошедшего времени (К.В. Гото), косвенным наклонениям (К.Н. Прохоров), разделительным и соединительным деспричастиям (Д.Ф. Мищенко), сложным глаголам (В.В. Баранова), глагольным показателям множественности участников (С.А. Оскольская), пассиву (А.В. Выдрина), каузативным конструкциям (С.С. Сай), номинализации (Н.В. Перкова), причастиям в роли сказуемого относительно оборота (К.А. Крапивина), сентенциальным дополнениям (М.Ю. Князев), маркированию субъекта зависимой предикации (Н.В. Сердобольская).

Одна из статей в сборнике посвящена интенсивно обсуждавшейся в монголистике теме – условиям употребления маркированного / немаркированного аккузатива. Автору удалось сделать ряд важных обобщений и нетривиальных наблюдений. Например, было выявлено, что в отношении маркирования по-разному ведут себя названия диких и домашних животных. Очень полезным представляется учет тема-рематических факторов при рассмотрении данного явления, а также в целом комбинированный подход, учитывающий личность / неличность, референтный статус, одушевленность, коммуникативный статус и линейный порядок слов. Впрочем, комбинированный подход уже давно применялся в монголистике при анализе этой проблемы, заслуга автора здесь,

прежде всего, в обосновании и продуманной иерархизации указанных факторов. Возможно также, что опущение показателя винительного падежа стоило рассмотреть в более широком контексте, учитывая общетипологическую направленность сборника и возможность немаркированного выражения не только аккузатива, но и многих других падежей в алтайских языках – тюркских, корейском и др.

Еще один интересный вопрос калмыцкой грамматики, нашедший свое место в сборнике, – это система прошедших времен. В северномонгольских языках, к которым относится и калмыцкий, имеется целый ряд форм (калм. *-ᠵᠡ*, *-la*, *-v*, *-sən*), разграничение семантики и функциональной наполненности которых всегда представляло собой значительную трудность для исследователей ввиду своей многозначности и значительного числа контекстов, где различие между этими показателями нейтрализуется. Автор (К.В. Гото) справедливо указывает на то, что один из этих показателей (*-ᠵᠡ*) имеет, главным образом, эвиденциальный характер (в том числе в контекстах для 1 лица); интересны также наблюдения о присутствии у этого показателя адмиративной семантики в ряде контекстов. При этом вряд ли оправдано проводимое автором разграничение адмиративной частицы *ᠵᠡ* и показателя *ᠵᠡ* на том основании, что первая может напрямую присоединяться к причастиям, а второй требует наличия бытийного глагола. Дело в том, что сама частица *ᠵᠡ* восходит к сочетанию общемонгольского бытийного глагола *a-* и того же глагольного показателя *ᠵᠡ*. Переход корня этого глагола в морфологический ноль – тенденция, характерная практически для всех монгольских языков.

Трактовка формы на *-la* как «неактуального прошедшего» довольно необычна для монголистики. Возможно, это связано с тем, что далеко не все контексты, в которых данный показатель встречается в калмыцком языке, оказались представлены в полученных в ходе экспедиционной работы текстах.

Данная статья существенно выиграла бы, если бы в ней было проведено сравнение калмыцких фактов с тем анализом системы прошедших времен в близкородственном монгольском литературном языке Внутренней Монголии, который представлен в известной работе [Chuluu 1995]. В частности, в монгольских языках отмечается возможность использования показателя *la* для обозначения действия, которое совершится в ближайшем будущем, возможность использования показателя *la* в типично эвиденциальном употреблении, возможность использования всех финитных форм прошедшего времени (**luᠭa*, **-ᠵᠠᠭᠢ*, **-ba*) и причастия прошедшего времени **-ᠶᠰᠠᠨ*

для обозначения действий, имевших место как недавно, так и в далеком прошлом, для передачи перфективных и имперфективных значений, возможность использования показателя *ba* для маркирования событий, которые потенциально могут произойти в будущем. В статье не описано, имеются ли в рассматриваемом говоре калмыцкого языка те ограничения на сочетаемость некоторых показателей прошедшего времени с местоимениями второго лица и с вопросительной конструкцией, которые отмечаются в других северномонгольских языках (ср. соответствующие примеры в [Chuluu 1995; Binnick 1990; ГБЯ 1962: 265–266]).

К сожалению, при хорошем знании авторами сборника типологической литературы и литературы по калмыковедению, владение литературой по монголистике и знакомство с традиционными трактовками многих известных явлений порой оставляют желать лучшего.

Иногда в тексте встречаются достаточно странные утверждения. Например, на с. 233 выдвигается тезис о прамонгольском синтаксисе: «Стоит отметить, что в прамонгольском и среднемонгольском в случае разносубъектности деепричастие на *-ad* не использовалось, оно, как и деепричастие на *ᠵᠡ*, требовало ко-референтности своего субъекта подлежащему при глаголе в финитной форме» со ссылкой на статью Рыбацкого о среднемонгольском языке. Однако сам Рыбацкий в том месте, на которое ссылается автор статьи, утверждает не совсем это: «While these three converbs typically have the same subject as the main verb, the conditional converb can occur with a different subject...» (т. е. «если в обычном случае эти три деепричастия (на *-n*, *-ad*, *-ᠵᠡ*. – И.Г.) имеют тот же субъект, что и главный глагол, условное деепричастие может иметь и другой субъект») [Rybatzki 2003: 78]. Как видно, Рыбацкий здесь говорит только о среднемонгольском языке, а не о прамонгольском (реконструкция синтаксиса которого практически не изучена), и не исключает полностью возможности некорреферентности субъектов указанных деепричастий и подлежащего глагола в финитной форме.

Весьма интересен раздел «Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций» (С.С. Сай). Вопреки названию, в данном тексте рассматриваются не только возможности заполнения валентностей каузативных глаголов, не только семантические и синтаксические особенности каузативных конструкций, но и роль каузативных конструкций в дискурсе, в выстраивании говорящим определенной перспективы текста. Этот последний аспект использования каузативных конструкций крайне мало освещен не только в монголистической, но и в типологической литературе в целом.

В статье Н.В. Сердобольской о синтаксических и семантических свойствах конструкций с аккузативным субъектом в зависимых клаузах калмыцкого языка предлагается целый ряд интересных наблюдений. В частности, согласно приведенному в статье анализу, субъект зависимой предикации оформляется аккузативом, если является топиком всего предложения, тогда как в противном случае выбирается номинативное маркирование субъекта. При этом, хотя аккузативный субъект и относится к зависимой клаузе, он может, за счет своей топикальной позиции, становиться мишенью процессов, контролируемых из главной клаузы (замена на рефлексив и т. п.).

Полезным является раздел, посвященный акциональным классам калмыцких глаголов. Результаты анализа, проведенного в данном разделе, помогают лучше понять причины различных синтаксических явлений в калмыцком языке.

Монгольские языки обладают чрезвычайно развитой системой форм императивно-оптативной зоны. Их исследованию посвящена статья К.Н. Прохорова «Калмыцкие формы косвенных наклонений». По сравнению с системой литературного калмыцкого языка, в изучаемом говоре представлена несколько редуцированная система. Так, отсутствуют формы прекатива, оптатива на *-s*, потенциалиса на *-mza*, а для гортатива на *-ij* (общемонг. волонкатив на **-ja*) отмечается значение только множественного числа, а не обоих чисел. Автор разбирает различия в употреблении двух форм юссива *-txa* и *-g* и связывает их с различием в типах каузации действия (прямой или опосредованной). В этой же статье рассматриваются формы апрехенсива (в монголистике обычно называемом «дубитатив»), которые как морфологически, так и семантически резко отличаются от остальных форм, объединяемых автором в группу «косвенных наклонений». Отмечается расширение значения этих форм от «предостерегательного» ('как бы не произошло Р') до нейтрального ('возможно, произойдет Р'), что автор связывает с сокращением функционирования других форм этой зоны.

Некоторые разделы сборника производят, однако, впечатление недостаточно проработанных. Так, почти никакой новой информации для монголистики не содержится в разделе «Номинализации в калмыцком языке», основная идея которого сводится к тому, что номинализации в виде отглагольных имен на *-lвэл* имеют больше именных признаков, а номинализованные причастия имеют больше глагольных признаков. В разделе же «Причастие

в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке» разбираются довольно интересные вопросы таксиса, однако не проводится четкого разграничения относительных и прочих конструкций. Несомненно, этот раздел (как и многие другие разделы книги) существенно бы выиграл, если бы его автор приняла во внимание многочисленные работы новосибирской школы, М.И. Черемисиной и ее учеников, посвященные исследованиям полипредикативных конструкций в алтайских языках (назовем хотя бы работу [Черемисина и др. 1984]).

Калмыцкий язык относится к числу тех языков России, существование которых находится под угрозой. По этой причине особого внимания заслуживает собрание текстов, фиксирующих современное состояние калмыцкого языка, состояние языкового сдвига. К сожалению, в объемном сборнике не нашлось места для всех текстов, собранных участниками экспедиции, однако и представленных материалов достаточно, чтобы оценить масштабы изменений, происходящих с калмыцким языком.

Подводя итог, можно заключить, что данный сборник, несмотря на определенные недочеты и не вполне однородный по качеству уровень содержащихся в нем статей, обязателен к прочтению для специалистов по калмыцкому и другим монгольским языкам, а также представляет несомненный интерес для типологов и специалистов по общему языкознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ГБЯ 1962 – Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М., 1962.
 Черемисина и др. 1984 – М.И. Черемисина, Л.М. Бродская, Л.М. Горелова, Е.К. Скрибник, Т.Н. Боргоякова, Л.А. Шамина. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.
 Binnick 1990 – I.R. Binnick. On the pragmatic differentiation of the Mongolian past tenses // Mongolian studies. Journal of the Mongolian society. 1990. V. XIII.
 Chuluu 1995 – Chaolu Wu (Üjiyedin Chuluu). Mongolian past tense markers and their usage // Mongolian Studies. Journal of the Mongolian society. 1995. V. XVIII.
 Rybatzki 2003 – V. Rybatzki. Middle Mongol // J. Janhunen (ed.). The Mongolic languages. London; New York, 2003.

И.А. Грунтов